

Уроки НЭП

В поисках путей в будущее

© Бузгалин А. В.

© Buzgalin A.

Уроки НЭП. В поисках путей в будущее

NEP lessons. Looking for the future

Аннотация. Показано, что НЭП была закономерным этапом реализации стратегии созидания трудящимися и представлявшим их интересы государством качественно нового типа экономики и общества — «царства свободы», идущего на смену не только капитализму, но и всей предшествовавшей эпохе социального отчуждения — «царству необходимости». Эта политика была имманентно противоречива, но адекватна крайне неблагоприятным для рождения коммунистического общества внутренним и внешним условиям, в которых произошла революция. Переход к НЭП не был «коренным пересмотром всей точки зрения на социализм» ни Лениным, ни партией.

Annotation. The author shows that the New Economic Policy was a natural stage in the implementation of the strategy of building a qualitatively new type of economy and society by the workers and the state representing their interests — the “kingdom of freedom”, which replaces not only capitalism, but also the entire preceding epoch of social alienation — the “kingdom of necessity”. This policy was immanently contradictory, but adequate to the internal and external conditions in which the revolution took place. Its dynamics should have been determined by the extinction (but not by violent bureaucratic curtailment) of the entire complex of relations of social alienation (market, private property and capital, state and bureaucracy) and the development of communist principles. The transition to the NEP was not a “radical revision of the whole point of view on socialism” neither by Lenin nor by the party.

Ключевые слова. Новая экономическая политика, коммунизм, рынок, капитал, Маркс, Энгельс, Ленин.

Key words. New Economic Policy, communism, market, capital, Marx, Engels, Lenin.

Размышления о новой экономической политике, свидетелями столетия которой мы стали, о ее содержании и уроках обычно сосредотачиваются на проблеме соотношения плана и рынка. Реже поднимаются до более общего вопроса о проблемах исчерпания потенциала развития капитализма и возможных путях генезиса социализма (последнее в ряде случаев сопрягается с проблемой конвергенции двух систем). Я обязательно остановлюсь на всех этих вопросах, но позже.

А начать я хотел бы с постановки проблемы, без понимания которой невозможно решение наиболее актуальных проблем современной России и мира, — с анализа фундаментальных противоречий современной эпохи и ее определения как периода длительного и неравномерного (во времени и пространстве) продвижения из «царства необходимости» в «царство свободы».

Автор выражает благодарность О. В. Барашковой и А. И. Колганову за помощь в работе над статьей.

БУЗГАЛИН Александр Владимирович — директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва), визит-профессор Хайнаньского и Харбинского педагогических университетов, профессор, доктор экономических наук.

Человечество на пути к «царству свободы». Контекст

Мы привыкли размышлять о любой проблеме современности, рассматривая ее либо вообще внеисторически (этот подход доминирует), либо в контексте пары десятилетий прошлого и едва ли десятилетия будущего (что хоть и редко, но встречается в общественных науках). Я предлагаю взгляд на НЭП в контексте столетий и утверждаю, что только так его и можно понять. Уточню. Празднуя 200-летие сначала Маркса [3; 9; 25], потом Энгельса [5], некоторые вспомнили о том, как видели процесс генезиса нового общества эти великие мыслители. Не постесняюсь привести здесь две длинные цитаты, на которые редко обращают внимание даже теоретики левого спектра.

Расположим их в исторической последовательности. Фридрих Энгельс. «Анти-Дюринг», «настолярная книга всякого сознательного рабочего», прочитанная и одобренная Марксом:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [26. С. 294—295].

Карл Маркс. «Капитал», том III, отредактированный и подготовленный к печати Энгельсом:

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, *по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства* (курсив мой. — А. Б.). Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех

общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [19. С. 386—387].

А теперь об актуальности этих тезисов в контексте истории рождений и смертей социалистических проектов и практики последних полутора столетий (напомню: 18 марта 2021 г. исполнилось 150 лет Парижской коммуне).

Маркс и Энгельс фиксируют важнейшие черты будущего общества, рождающегося как разрешение объективных противоречий не только капитализма, но и всего «царства необходимости» (включающего, как мы знаем, и добуржуазные системы). Подчеркну: не придумывают *утопию*, в которую верили их предшественники, а выводят свой прогноз из анализа противоречий объективного исторического развития мира отчуждения.

Первая: общество берет под свой контроль, в свое владение средства производства (подчеркнем: общество, а не государство; и дополним: сегодня это не только машины и оборудование, заводы и фабрики, но и культурные ценности, информация), *снимая отчуждение субъекта труда от условий труда.*

Вторая: устраняются (мы бы перевели — «снимаются», диалектически отрицаются) отношения товарного производства и господство товаров, вещей над людьми, товарный фетишизм; им на смену идет сознательная организация планомерного, как говорили советские политэкономы, *непосредственно общественного* производства. Или, если воспользоваться словами Маркса, формируется товарищеский способ производства, осуществляемый на основе свободной и равной ассоциации производителей.

Третья: процесс познания законов природы и практического освоения природных сил дополняется отходом от погони за частными интересами, оказывающей разрушительное воздействие на природную среду. Отчуждение от природы снимается по мере того, как отношения с природой ставятся под контроль общих интересов в гармонизации этих отношений. Общество ставит под свой контроль и ход исторического развития, снимая социальное отчуждение, окончательно освобождая человека от звериной борьбы за существование. Но это не только негативная свобода, «свобода от», но и превращение человека в свободного творца своей собственной истории.

Четвертая характеристика: «царство свободы» — это лежащее по ту сторону собственно материального производства пространство-время развития человеческих сил, человеческого потенциала как самоцель; основа этого — общественный контроль коллективного человека, ассоциированных производителей над производством и максимальное расширение пространства свободного времени.

Эти положения были в той или иной интерпретации восприняты творческим марксизмом и близкими к нему теоретическими направлениями. В XX в. об этом писали Антонио Грамши в своих «Тюремных тетрадах» [10; 11], Дьердь Лукач [18], Эрих Фромм [24], творческие советские марксисты-шестидесятники [12; 13; 20]. Незадолго до краха СССР мы опубликовали посвященную этой тематике коллективную монографию «По ту сторону отчуждения» [22], в 1996 г. вышла моя работа «Будущее коммунизма» [1], в 1998 г. — книга «По ту сторону “царства необходимости”» [4], в 2004 г. — первое, а в 2019-м — уже 5-е издание нашей с А. И. Колгановым книги «Глобальный капитал» [7]. Эти идеи развивает в своем большинстве и редакция журнала «Альтернативы» [8; 23].

Стал ли реальностью последних полутора сотен лет процесс рождения «царства свободы»?

И да, и нет.

Нет, ибо мы до сих пор находимся по преимуществу в социальном хронотопе «царства необходимости».

Да, ибо реальностью стал процесс развития в массовом масштабе элементов, ростков, практик «царства свободы». Это десятки охвативших все человечество начал социалистического созидания (подчеркну: не только СССР; практики социализма — это пространство от Китая и Вьетнама до Латинской Америки через многие страны Европы и Африки). Это социальные ограничения и регуляторы рынка и капитала в большинстве стран «центра» и «полупериферии»...

Надо помнить, что, во-первых, эти элементы пока только рождаются, еще не победили и поэтому присутствуют в общественном бытии и сознании в виде переходных, совмещающих черты прошлого (отчуждения) и будущего (освобождения) отношений.

Во-вторых, их прогресс неравномерен. Если в середине XX в. мы были свидетелями их экстенсивного и интенсивного развития, то в последние десятилетия наблюдаем их затухание, но одновременно с этим и небывалый рост протестов против этого регресса.

В-третьих, история не закончена: сделанный 30 лет назад нашумевший прогноз о ее конце провалился.

Что из этого следует касательно исследования содержания и уроков НЭП? То, что их надо рассматривать как часть общемирового процесса социальной эмансипации, а не как пример экономической политики в одной из стран, где «социалистический эксперимент» окончился поражением.

Таков глобальный контекст.

Не менее важен и другой вопрос, ответ на который позволяет сделать совершенно конкретные выводы касательно НЭП — вопрос о природе СССР.

Природа СССР — ключ к пониманию природы НЭП

На протяжении последних десятилетий автор не раз подробно аргументировал точку зрения, что в СССР сложилась опережающая мутация коммунистической общественной системы («царства свободы»), находящейся на самом раннем этапе развития [2; 6]. Применение термина «мутантный социализм» вызвало поток критики с двух сторон. Во-первых, со стороны адептов СССР, которые слово «мутация» воспринимают в контексте фантастических боевиков о страшных уродливых мутантах, а не как научный термин (как известно, марксизм использовал термины из естественных наук, наиболее яркий пример чего — категория «формация»). Во-вторых, со стороны всех тех, кто вообще отрицает социалистические черты советской системы.

Я оставляю «по ту сторону» этого текста все варианты решения проблемы, исходящие из того, что никакая иная социально-экономическая система, кроме рыночно-капиталистической, вообще невозможна. Вслед за нашими учителями и предшественниками мы исследуем объективные и субъективные предпосылки рождения нового строя и находим достаточно аргументированным доказательство принципиальной возможности и закономерности возникновения новой общественной системы, обеспечивающей больший простор развития не только производительных сил, но и, главное, личности и социума, нежели «царство необходимости» вообще и капитализм в частности.

Столь же малоубедительно утверждение об однозначной позитивности «реального социализма» и, соответственно, случайности его гибели вследствие субъективных причин¹. Мы видим и стремимся объективно исследовать глубокие внутренние противоречия «реального социализма» и тот мировой контекст, который, с одной стороны, вызвал к жизни этот специфический общественный организм, а с другой — привел к его распаду. Более того, мы исходим из того, что *причины возникновения и причины распада советской системы были в основе своей одни и те же*. Рассмотрим эту непростую диалектику подробнее.

Исходный пункт: противоречия современной эпохи создают достаточные материальные предпосылки для генезиса «царства свободы». В то же время они свидетельствуют, что отмирание отношений отчуждения не может не быть длительным нелинейным интернациональным процессом. Последний мы и обозначаем словом «социализм».

Весь вопрос в том, чтобы критически развить традиционное линейное понимание социализма как всего лишь первой стадии коммунистической общественно-экономической формации (ортодоксальный марксизм) или не более чем системы ценностей, которые могут частично реализоваться в рамках «постклассического» буржуазного общества путем реформ (социал-демократия).

¹ Отнюдь не странно, что ортодоксальные либералы и марксисты-догматики методологически сталкиваются здесь на одном пятачке апелляций к субъективным флуктуациям, «заговорам» и «предательству», пятясь спинами навстречу друг другу в своем стремлении выдать свою плоскую позицию за истину в последней инстанции.

Если мы поднимаемся до взгляда на процесс рождения нового общества как на интернациональный глобальный сдвиг в истории человечества, то и сам процесс трансформации приобретает новые характеристики. Потому *социализм может быть охарактеризован не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму)*. Его начало — завоевание трудящимися экономической и политической власти. Его предпосылки, ростки — переходные отношения, содержащие социалистические черты в рамках капитализма. Процесс генезиса и развития социализма включал, включает и будет включать революции и контрреволюции; генезис нового общества в отдельных странах и регионах, их отмирание и появление вновь. Он будет сопровождаться социальными реформами и контрреформами в капиталистических странах; волнами прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений.

Неравномерность, противоречивость, интернациональность этих сдвигов составляет специфику социализма как процесса рождения нового общества во всемирном масштабе.

Исходя из этих посылок, мы и определили «реальный социализм» как *опережающую мутацию общеисторического процесса рождения «царства свободы»*².

Эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что исследователям, пишущим работы о социализме на рубеже XX—XXI вв., трудно ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного социализма, кроме того, что был в странах мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй мутацией.

Эта очевидность, однако, является не чем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и может видеть только эти формы, но не содержание. Между тем без выделения глубинных тенденций не обойтись. *Эти глубинные черты рождающегося нового общества не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса производительных сил, человека как Личности, в силу ограниченности имевшихся для этого объективных предпосылок, что и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как «мутантный» социализм.*

Следовательно, мы можем заключить, что *в странах «мировой социалистической системы» был искажен не некий «идеал» социализма.*

² Среди известных нам трактовок природы «реального социализма» наиболее близка к авторской трактовка СССР как вырождающегося рабочего государства, предложенная Л. Троцким в работах «Преданная революция» и др., послуживших одним из исходных пунктов нашего анализа. Другим источником стали наши разработки 1983—1987 гг. (когда мы отчасти по невежеству, отчасти в силу цензурных ограничений еще не знали многих работ о природе СССР), в которых мы обосновали вывод о социально-экономическом строе СССР как деформированном социализме. В определении экономического строя наша позиция оказалась близка к позиции Э. Мандела, трактующего советский «социализм» как своеобразный незавершенный переходный период.

Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к царству свободы и адекватные ей реальные ростки социализма развивались в мутантном, деформированном неблагоприятными внешними условиями и субъективными факторами виде. Это касается ростков и пострыночной координации, в частности успешного в своей основе планирования экономики, сопровождавшегося бюрократическими деформациями, приводящими к массовому дефициту; и ассоциированного присвоения общественного богатства, деформированного ведомственностью и «закрытым распределением»; и новых ценностей и мотивов советского человека, возникавших в борьбе с мещанским конформизмом и потребительством и в конечном итоге проигравших им; и продвижения к самоуправлению трудящихся в политике, деформированного (особенно сильно в 1930-е гг.) бюрократическим насилием [15].

Во-вторых, обращение к термину «мутация» не случайно. Авторы пошли по традиционному для марксизма пути аналогий с разработками в области естественных наук. Категория «мутантный социализм» используется для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков — «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций» для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 г., рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе существенно отклоняющимся от оптимального пути трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Особенности «среды» — уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка — привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникавшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но *крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему*. В результате возник мутант процесса генезиса царства свободы (коммунизма).

Так сложился организм, который *именно в силу мутации* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX в., но с другой (по тем же самым причинам) — далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прехождения мира отчуждения.

В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и успешно бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т. п. Победа в Великой Отечественной войне — самый могучий тому пример. Но *в силу тех же самых причин* (мутации «генеральных», стратегических

социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX в.³

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя *в силу его бюрократической жесткости* был крайне узок набор признаков («депутаций»), позволявших приспособливаться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе — раковая опухоль бюрократизма, на другом — собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX в. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате *мутантный социализм не смог развиваться* именно в этих, *более благоприятных для генезиса ростков царства свободы условиях* — условиях развертывания НТР, обострения глобальных проблем и т. п., бросавших все больший вызов миру отчуждения со стороны «общечеловеческих», т. е. собственно коммунистических ценностей и норм. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог.

Что же из себя представляет НЭП в контексте названных выше глобальных трансформаций «царства необходимости» в «царство свободы» и генезиса мутантного социализма?

НЭП как начало адекватной для XX века модели генезиса социализма в стране «полупериферии»

Автор не случайно уделил столь большое внимание контексту — историческим процессам, частью которых стала новая экономическая политика в СССР 1920-х гг. Дело в том, что они и есть обоснование нашего взгляда на НЭП как систему общественных отношений, адекватную для начала продвижения по пути социализма в условиях:

- победы трудящихся (промышленного пролетариата в союзе с крестьянством и частью интеллигенции) в борьбе против господствовавших в Российской империи классов и империалистических государств и перехода экономической и политической власти к государству, выражавшему интересы этого союза, но при этом обремененного системными бюрократическими извращениями⁴;

- разрушения вследствие Первой мировой и Гражданской войн и без того минимальных материальных и культурных предпосылок для продвижения к «царству свободы» (прежде всего — малочисленности куль-

³ Одним из парадоксов этого процесса является обусловленность процессов некоторой социализации и гуманизации капитализма в 1950—1960-е гг. не только его собственными внутренними противоречиями, но и влиянием мировой социалистической системы.

⁴ «Государство у нас рабочее с бюрократическим извращением», — писал В. И. Ленин [17. С. 208].

турного и организованного промышленного пролетариата и социалистически ориентированной интеллигенции);

— агрессивно-враждебного внешнего империалистического окружения и поражения социалистических сил в Германии, Венгрии, Италии и др.

В этих условиях *продвижение по пути социализма могло происходить только (1) на основе предельной мобилизации энергии социально-го творчества передового авангарда трудящихся — энергии, рожденной победой в революции и гражданской войне, но при этом (2) в союзе и одновременно в борьбе с сохраняющимися значительными элементами «царства необходимости» и (3) в формах советской, но бюрократически деформированной от рождения государственной власти.*

В этом триединстве — «тайна» НЭП. Начальный этап мирного созидания социализма в условиях завоевания политической власти и контроля за ключевыми институтами экономики мог успешно идти только путем опоры одновременно на «три кита».

Первый и основной — не просто социалистические, коммунистические (!) начала: энтузиазм созидания нового общества в экономике, политике, культуре — всюду. И НЭП была именно такой. Историки левого спектра очень часто «теряют» из виду эту сторону дела. В известной фразе Ленина о том, что нельзя строить социализм, опираясь только на энтузиазм, они забывают главное: рыночные, принадлежащие прошлому стимулы необходимы, но как дополнение главного стимула — коммунистического.

И дело здесь не в количественной пропорции. Конечно же, для большинства населения в России нэповской основные ценности и стимулы лежали в «старой» (принадлежавшей к хронотопу «царства необходимости») сфере — сфере рынка, частной собственности и даже патриархальных традиций. Но определяющими движение от «России нэповской» к «России социалистической» были другие отношения и другие ценности и стимулы — те, что лежали в рожденном Революцией и Победой хронотопе «царства свободы».

Именно об этом говорил не просто Ленин — большевики, когда называли «Великим почином» коммунистический субботник, когда поручали ОГПУ спасение беспризорных детей, когда посылали комсомольцев и коммунистов учителями в деревни, когда тратили на Пролеткульт денег больше, чем на чиновников, когда в полунищей стране поддерживали создание десятков тысяч различных общественных организаций и инициатив в самых разных сферах — в образовании, художественном творчестве, технике, науке, физкультуре, защите социалистического Отечества и т. д. (эта атмосфера прекрасно передана в художественном романе Андрея Колганова «Жернова истории» [14] и его же историко-теоретической книге «Путь к социализму. Пройденный и непройденный» [15], а также в серии статей Людмилы Булавки о социальном творчестве масс в первое десятилетие Советской власти [8]).

Не менее важно то, что эту, «красную», линию проводили в жизнь и коммунистическая партия, и советское государство в той мере, в какой оно было государством *самых* трудящихся (в какой рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция — воспользуясь термином той эпохи — участвовали в учете, контроле, управлении, в осуществлении тех функций, о которых

Ленин писал как о важнейших все время — с 1917 г. до последних работ, включая «Как нам реорганизовать Рабкрин»), — или хотя бы государством для трудящихся, государством, реализующим стратегические интересы трудящихся. А оно было *таким* тогда, когда разрабатывало и реализовывало план ГОЭЛРО, создавало школы и открывало больницы, поддерживало формирование добровольной кооперации и создание коммун, восстанавливало и строило предприятия, защищало от контрреволюции и внешней агрессии (о том, что оно было не только таким, — ниже).

Этот — социально-творческий — вектор задавал «*красную линию*» НЭП, то, что лежало в основе формирования в СССР первых ростков коммунистических отношений, развивавшихся в противоречивом единстве с отношениями отчуждения и потому имевших *социалистическое* (ранне-коммунистическое, обремененное «примесями» отчуждения) содержание. И потому эта «красная линия» в условиях НЭП была всегда и везде в большей или меньшей степени «присыпана» серой пылью отчуждения.

Вторым «китом», на котором стоял (и не мог не стоять) процесс рождения социализма, НЭП, были отношения «царства необходимости». Они включали в себя не просто рынок. Это был и широкий спектр дорыночных отношений (натуральное хозяйство, пережитки общинности, патриархальности, сословного неравенства, насилия) и отношений частно-капиталистических. Эта «черная» линия НЭП развивалась, однако, также не в «чистом» виде. Все отношения отчуждения в условиях победы Советской власти были в большей или меньшей степени подчинены задачам социалистического строительства, развивались под контролем государства и общества. И потому в этой «черной» линии было (к сожалению, не везде и не всегда) если не красное, то хотя бы «розовое» обрамление.

Третий «кит» НЭП — бюрократ и его опора — обыватель, мещанин, чье «мурло» (по определению В. Маяковского) вылезло, как только в стране установился относительный мир и стабилизировались институты системы, включавшей в себя легальные институты и возникавшего коммунизма, и сохранявшегося мира отчуждения. Без первого, бюрократа, не мог работать ни аппарат госвласти, ни госучреждения (и экономические, и культурные, и любые другие). Второй, мещанин, был закономерным продуктом тысячелетий (!) всемирной истории, ибо господствовавшее тысячелетия «царство необходимости» превращало Человека (того, чья «родовая сущность» есть творчество) в функцию, раба отчужденных от него социальных сил. Победить этого актора мира необходимости невозможно ни насилием, ни пропагандой (вспомним удивительно точный образный ряд рассказа Алексея Толстого «Гадюка»). Трансформировать его в Человека может только процесс включения трудящихся в процесс социального и культурного творчества, то, что мы образно назвали «красной линией» истории СССР. Именно эта серая сторона практик НЭП и была главной опорой «черной» линии и наиболее опасным противником «красной», ибо разъедала человека-творца, коммуниста с партийным билетом и без, как ржа, изнутри и незаметно.

Такова *природа НЭП: единство и борьба рождающегося социализма с силами отчуждения*. И главное в этом противоречии — его *динамика, движение от «России нэповской» к «России социалистической»*. Да, на-

чальный этап рождения коммунизма, к тому же рождения в столь тяжелых условиях, как в России начала XX в., не мог не включать широкий спектр отношений социального отчуждения (патриархальности, рынка, капитала, бюрократии, конформизма). Но СССР был страной возникающего — пусть и в первоначальных, деформированных формах, — но социализма только в той мере, в какой это была система упрочения отношений «царства свободы» и отмирания отношений «царства необходимости»⁵.

Р. С. Менял ли Ленин свою точку зрения на социализм?

В дополнение к сказанному позволю себе высказаться по постоянно дискутируемому в связи с проблемой НЭП вопросу о том, был ли переход к этой системе отношений связан с кардинальной сменой точки зрения В. И. Ульянова-Ленина на социализм.

Этот вопрос имеет давнюю историю. Один из наиболее ярких аспектов этой проблемы связан формально с фразой Ленина из его статьи «О кооперации» о том, что мы должны принципиально изменить точку зрения на социализм (эту цитату, не вырванную из контекста, я приведу ниже). Но содержательно у большинства марксистов второй половины XX в. и начала века нынешнего речь идет о чем-то существенно ином, нежели переход от военной борьбы к мирному созиданию: они видят в этой фразе одно из оснований для развертывания на базе якобы ленинского наследия теории как минимум рыночного социализма, как максимум — отождествления социализма с НЭП (а то и конвергентной моделью, соединяющей «все хорошее» из капитализма и социализма). О чем же идет речь у Ленина?

Намеренно приведу ниже большой фрагмент из этой статьи.

«Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше “небольшим” исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. *Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество*, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр

⁵ Этот тезис принципиально важен в связи с ведущейся уже не одно десятилетие полемикой автора с теоретиками «интегрального общества» [21], рассматривающими новую систему, идущую на смену капитализму, как устойчивую интеграцию отношений рынка и частной собственности — с одной стороны, и планирования и общественной собственности — с другой. Наша позиция иная. Мы доказываем, что становление и упрочение нового общества будет процессом неравномерного, не прямого, с зигзагами и отступлениями, но отмирания рыночно-капиталистических начал и укрепления новых — коммунистических — отношений. Не особый — рыночно-плановый, частно-общественный — способ производства как стабильная система, а противоречивый, но неуклонный переход от рыночно-капиталистической к организованной на планомерных, ассоциированных началах общественной системе — вот каким нам видится будущее.

тяжести работы сводится к культурничеству. Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — *задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи*; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в *культурной работе для крестьянства*. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без *целой культурной революции* (курсив мой. — А. Б.)» [16. С. 372].

Итак, суть ленинской «коренной перемены всей точки зрения... на социализм» состоит в том, чтобы (1) перейти от военных методов к мирным, (2) качественно изменить аппарат, (3) провести кооперирование (прежде всего крестьянства) и (4) осуществить культурную революцию (последнее — тезис, который Ленин подчеркивает многократно и в других работах).

Если оставить в стороне публицистику, то окажется, что Ленин ставит те же задачи, которые выдвигались партией еще в ее программе, были развиты сразу после победы Октябрьской революции (в том числе и прежде всего в работе Ленина «Очередные задачи Советской власти») и решение которых было вынужденно отложено из-за Гражданской войны и интервенции. На тот момент — да, это была коренная смена курса: от военных насильственных действий, без которых победить мировой империализм (буквально — против молодой Страны Советов выступили едва ли не все ведущие империалистические державы мира!) было невозможно, к мирному созиданию, в процессе которого надо было решать задачи коренного изменения госаппарата, культурной революции и (примем во внимание, что уже всю разворачивается новая экономическая политика, о которой Ленин писал ранее) хозяйственного строительства, предполагающего использование рынка, частного и государственного капитализма.

Все эти задачи не были чем-то новым для коммунистов.

Слом буржуазной государственной машины и замена ее качественно новым отмирающим государством — эта задача была поставлена еще Марксом и развита Лениным еще до революции, прежде всего в работе «Государство и революция».

Задача культурной революции, развития культуры, прогресса Человека как главного, ради чего собственно и делалась революция и что и является высшей целью будущего общества, — эта задача не только была теоретически осознана, но и на практике реализовывалась даже во время Гражданской войны (подчеркну: всестороннее развитие личности как высшая цель социализма — этот тезис был сформулирован Лениным еще в 1903 г.).

Что же новое несет нам статья, из которой взята и стала столь популярной цитата?

Во-первых, она вновь заостряет самое главное в социалистическом строительстве — созидание новых общественных отношений, новой

культуры, нового человека. То, что было оттеснено на второй план войной и борьбой с контрреволюцией.

Во-вторых, она акцентирует задачу кооперирования, о чем писали и говорили не только Ленин и его сподвижники еще до революции, но что не было превращено в одну из важнейших практических (и стратегических, и тактических) задач до этого текста Ленина.

Можно ли на основании последнего говорить, что для Ленина социализм тождественен «строю цивилизованных кооператоров», и что он стал за год до смерти сторонником «кооперативного социализма»?

Нет. Нет, хотя он сам пишет, что «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве». Почему «нет»? Да потому, что это поголовное кооперирование крестьянства стало бы дополнением к тому, что уже завоевано, и о чем он десятки и сотни раз писал ранее, и что, самое главное, на практике уже начало реализовываться: обобществление производства на деле, общенациональные программы технологического прорыва (план ГОЭЛРО), власть трудящихся (с бюрократическими извращениями, противоречиями, но все же Советская власть, о радикальном изменении аппарата которой Ленин пишет и в этой статье) и др.

Вот почему я делаю вывод, что цитату Ленина о якобы «коренной перемене точки зрения нашей на социализм» можно использовать только в очень узком, конкретно-историческом смысле — смысле окончания военных и развития мирных методов созидания нового мира.

Гораздо важнее другой вопрос: был ли вообще переход к НЭП и, в частности, кооперативный план изменением позиции Ленина по ключевым вопросам продвижения к социализму?

Опять же нет.

Те, кто изучал Ленина, знают следующее.

Во-первых, принципиальные положения, касающиеся того, что социализм есть планомерно организованное реально обобществленное производство, нацеленное на свободное и всестороннее развитие человека; что власть в рамках этой общественной системы принадлежит трудящимся, использующим как свое орудие отмирающее государство; что социализм — это всего лишь первая фаза на пути к коммунизму — все эти фундаментальные программные положения Лениным пересмотру не подвергались.

Во-вторых, НЭП им рассматривалась как экономическая политика, адекватная для переходного периода, причем в отсталой, преимущественно крестьянской стране. Но не как универсальная и оптимальная экономическая модель общества, идущего на смену капитализму.

В-третьих, после победы Октября ни Лениным, ни партией не ставилась задача немедленной национализации всей экономики и перехода к всеобщему планированию и натуральному продуктообмену. И в «Очередных задачах Советской власти», и в других работах зимы 1917—1918 гг. Ленин писал не о немедленном «введении» социализма, а о необходимости национализации банков и крупной промышленности, о задачах налаживания всенародного учета и контроля. Эти задачи не подвергались сомнению и после Гражданской войны. Натуральный

продуктообмен и перегибы с национализацией были следствием чрезвычайной ситуации и военных действий и применялись практически всеми воюющими странами (продразверстку начал еще «царь-батюшка» и продолжало Временное правительство).

Вывод. Безусловно взгляды Ленина на социализм постоянно развивались, обогащались, корректировались. Но в основе своей они именно развивались и обогащались (в том числе тезисом о том, что «цивилизованные», культурные кооператоры есть важнейшее слагаемое социализма).

НЭП Лениным рассматривалась как переходный период, как то, что делается «всерьез и надолго», на неимоверно долгий (по меркам того, скачущего красногвардейским галопом, революционного времени) период — на целых десять, а может быть даже двадцать лет («чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия» [16. С. 372]).

Но НЭП, использование рынка, частного капитала и т. п. не рассматривались Лениным как оптимальная модель социализма. Так что теоретикам рыночного социализма и уж тем более конвергенции не след искать в Ленине своего провозвестника.

И последнее. Сказанное отнюдь не означает того, что для начала движения к социализму нам сегодня, в XXI в., надо отказаться от творческого использования идей НЭП и, в частности, кооперации. Отнюдь. Нам только нельзя делать трех ошибок.

Нельзя, первое, считать систему со значительными подпространствами капитализма конечной целью нашего социального творчества.

Нельзя, второе, консервировать эту переходную систему. Переходный период — это пространство-время, в которых решается вопрос «кто — кого»: мы — их или они — нас. Мы — созидатели коммунизма, нового общества, в котором снимаются рынок, капитал, государство, все остальные формы социального отчуждения. Или они — охранители конкуренции, частной собственности, государственно-бюрократической власти, церкви и т. п.

Нельзя, третье, пытаться победить в этой борьбе исключительно методами «кавалерийской атаки». Да, в решающий момент она необходима. Но главное и самое трудное — это вовлечь в мирное социальное и культурное творчество миллионы и миллионы «рядовых» трудящихся. И здесь будет востребовано то самое «культурничество», *культурная* революция, о чем с таким напором пишет Ленин в своих последних работах.

Литература

1. Бузгалин А. В. Будущее коммунизма. М.: ОЛМА-Пресс, 1996.
2. Бузгалин А. В. Еще раз о причинах ухода СССР // Альтернативы. 2020. № 3.
3. Бузгалин А. В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. 2018. № 2.

4. **Бузгалин А. В.** По ту сторону «царства необходимости» (эскизы к концепции). М. : Экономическая демократия, 1998.
5. **Бузгалин А. В.** Фридрих Энгельс: устремленность в будущее // *Альтернативы*. 2020. № 4.
6. **Бузгалин А. В., Булавка-Бузгалина Л. А., Колганов А. И.** СССР: оптимистическая трагедия. М. : УРСС, 2018.
7. **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Глобальный капитал : в 2 т. Изд. 5, испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2019. Т. 1: Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded).
8. **Булавка-Бузгалина Л. А.** Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // *Вопросы философии*. 2018. № 6.
9. **Воейков М. И.** Марксизм и Россия: от теории к практике и обратно // *Вопросы политической экономии*. 2018. № 2.
10. **Грамши А.** Избранные произведения : в 3 т. М. : Издательство иностранной литературы, 1957—1959.
11. **Грамши А.** Тюремные тетради. Часть первая. М. : Издательство политической литературы, 1991.
12. **Злобин Н. С.** Культура и общественный прогресс. М. : Наука, 1980.
13. **Ильенков Э. В.** Философия и культура. М. : Политиздат, 1991.
14. **Колганов А. И.** Жернова истории. М. : Альфа-книга, 2012.
15. **Колганов А. И.** Путь к социализму: пройденный и непройденный : От Октябрьской революции к тупику «перестройки». Изд. 2, перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2018.
16. **Ленин В. И.** О кооперации // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1970. Т. 45.
17. **Ленин В. И.** О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого : Речь на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б). 30 декабря 1920 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1970. Т. 42.
18. **Лукач Д.** К онтологии общественного бытия : Прологомены. М. : Прогресс, 1991.
19. **Маркс К.** Капитал : Критика политической экономии. Том третий. Книга III // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Изд. 2. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 25. Ч. II.
20. **Межуев В. М.** Маркс против марксизма. М. : Культурная революция, 2007.
21. Новое интегральное общество : Общетеоретические аспекты и мировая практика / под ред. Г. Н. Цаголова. М. : ЛЕНАНД, 2016.
22. По ту сторону отчуждения / под ред. А. В. Бузгалина. М. : Изд-во МГУ, 1990.
23. **Славин Б. Ф.** Возвращение Маркса : О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма. М. : Едиториал УРСС, 2018.
24. **Фромм Э.** Иметь или быть? М. : АСТ, 2007.
25. **Хубиев К. А.** Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения: взгляд из XXI века // *Вопросы политической экономии*. 2018. № 2.
26. **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Изд. 2. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 20. ◆